

АСИММЕТРИЯ ИНФОРМАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА

Галина СОЛОГУБОВА

Галина Сергеевна Сологубова –
кандидат экономических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного экономического университета
(СПбГЭУ)

(191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая 21).

E-mail: en-consalt@mail.ru

Аннотация

Общение и взаимодействие – составные части общественной жизни, подвергающиеся регулированию по принципу легитимного господства, но, так или иначе, в разных контекстах возникает вопрос свободы и справедливости для всех. Свобода человека предопределена некими концептуальными схемами, легитимирующими власть тех, кто их разделяет. Справедливость апеллирует к системе ценностей общественного устройства. Проблема регулирования общественной жизни и подбор инструментов, повышающих эффективность такого регулирования, стали предметом институциональной экономики. Теория, как и любая модель, определяет способ верификации возможностью объяснить новизну своих позиций с помощью фундаментальных законов природы. Так копенгагенский эксперимент, заявивший о квантовой природе мира, подвёл научный фундамент под множественность неопределённости в экономике и социальной сфере. Общение и взаимодействие в условиях неопределённости стремятся к стереотипизации поведения своих агентов, поиску паттернов для сохранения и трансляции их социального опыта. Ключевым ресурсом общения и взаимодействия является информация, которая в условиях дуального и биполярного мира обладает свойством асимметрии.

Информационная асимметрия становится причиной интерналий и фактором влияния «провалов», «ловушек», дисфункций рынка. Для управления рисками используют общепризнанные и соблюдаемые правила, координирующие усилия которых рациональным образом снижают неопределённость выбора и повышают устойчивость взаимодействий посредством принудительных организационных условий, приближающих участников к равновесному состоянию. Совокупность координирующих и регулирующих жизнедеятельность общества механизмов составляет институциональную среду, которая создаёт возможности устойчивого развития и предоставляет ресурсы для трансформаций и инноваций. Особая роль в этой связи принадлежит институтам развития – формам управления, предназначенным для решения «сверху» конкретных задач. Другим аспектом управления рисками может быть обеспечение доступности и прозрачности информации, способствующих обновлению институций, что влечёт за собой потребность в новых институтах, способных быть эффективными в новых условиях и новой системе ценностей.

Ключевые слова: асимметрия информации, интерналии, институты развития, конгрессно-выставочная деятельность, интернет вещей, экосистема бизнеса

JEL: A14, O17, O43

Целеполагание

Мы можем взаимодействовать в обществе благодаря общей системе интерпретаций, неких концептуальных схем, дающих объяснения окружающей нас реальности. Концептуальные схемы становятся адекватным объяснением того, что реализуется в процессе общения. Они помогают достичь согласия между агентами в сети разнообразных, зачастую раздробленных и рассогласованных типов общественного устройства (например, типы господства Вебера, 1921 или модели графов Тевено, 2013), социальных процессов (революций и кризисов), сценариев развития, предлагающих альтернативные способы достижения целей (традиционная

семья и брак VS однополый семьи и трансгендерного выбора). Решение этой «социологической трагедии» (Зиммель, 1917) балансирует на кромке осознания каждой возможности общения и взаимодействия – человек существо общественное. Это осознание имеет своим фундаментом способность индивида к освоению социальных конвенций (норм, соглашений, примирения с чем-либо) и реализуется посредством умелого исполнения этим индивидом своей роли, уготованной по праву рождения и сформированной традициями и обычаями родного социума. Осознание возможности общения и взаимодействия придаёт индивиду свободу подобно тому, как актёр, человек изображающий не себя, а выдуманный кем-то (или им самим) образ, приобретает свободу в ходе сценического перевоплощения [Москвин, 2017]. Другими словами, свобода человека предопределена некими концептуальными схемами, легитимирующими власть тех, кто их разделяет. Соответственно, практика обоснования справедливости сводится к задачам убедительного обоснования, обоснования выгодным для себя образом, обоснования на фундаменте легитимного господства, т.е. на тех ценностях, которые отвечают принципам выделенного порядка справедливости.

Это полезное наблюдение за общественной жизнью и её фундаментальной частью – общением – позволяет размышлять над проблемой регулирования общественной жизни и инструментами, повышающими эффективность такого регулирования.

Общение строится на множестве коммуникаций, отличающихся друг от друга технико-технологическим воплощением, функциональным назначением, своевременностью осуществления, системностью и комплексностью (полнотой) организации, эмоциональной вовлечённостью участников, иерархией доступа, сложностью, и, скорее всего, ещё чем-то.

Многокритериальность задачи регулирования, а уж тем более эффективного регулирования, требует от регулятора бдительности в режиме реального времени, наличия прямой и обратной связи, превентивного

реагирования и обязательного анализа ситуаций, процессов, планов – любых действий, сопутствующих общению. Помня о том, что всякий анализ – это лишь субъективная интерпретация данных, можно уверенно говорить о множественности аналитических интерпретаций, удовлетворяющих самым разным целям и часто находящимся в антагонистичном состоянии. Поиск равновесного решения, удовлетворяющего противоречивым интерпретациям, становится сверхзадачей регулятора. А если принять во внимание, что сам регулятор – это лишь концептуальная схема, легитимирующая власть тех, кто разделяет конкретную точку зрения, то очевидная относительность понятия «эффективное регулирование» требует поиска решений, удовлетворяющих принципу «не навреди».

Логика институциональной экономики в интерпретации копенгагенского эксперимента, доказавшего квантово-волновую природу света

Современный этап развития человечества характеризует весьма любопытное явление – неуёмное желание человека справляться с неопределённостью. Если неопределённость реальной ситуации является неизбежной, то она должна подтверждаться фундаментальными свойствами того мира, в котором мы живём. Из квантовой физики известна закономерность: импульс энергии, локация в «точке» и мгновение наблюдения никогда не подчиняются заданной одновременности наступления [Липкин, 2005], а потому объективируются оторванностью от наблюдателя и его сознания. Наблюдатель субъективирует обстоятельства и даёт оценку параметрическим характеристикам элементов, комплекующих реальность. Всё так же будут существовать все варианты реальности, просто физическая реализация мира перейдёт в то измерение, в котором предлагаемый «тоннель реальности» совпадёт с увиденным наблюдателем. Другими словами, соответствие реальности желанию наблюдателя субъективирует реальность, чем множит неопределённость.

Ни религиозные ритуалы, ни национальные традиции, ни вера в судьбу не запрещают поиск новых паттернов, оптимизирующих решение проблем, с которыми наблюдателю приходится сталкиваться каждый день. Работает принцип рациональности в использовании ресурса – вместо того, чтобы каждый раз придумывать новые способы реагирования на то или иное явление, проще воспользоваться готовой, апробированной моделью, передаваемой из поколения в поколение в качестве традиции. Следование принципу рациональности подталкивает наблюдателя к поиску и накоплению стереотипов. Стереотипизация поведения, мышления, речевых приёмов, организационных действий заключается для наблюдателя в выработке определённых способов взаимодействия с окружающим миром. Люди ищут паттерны.

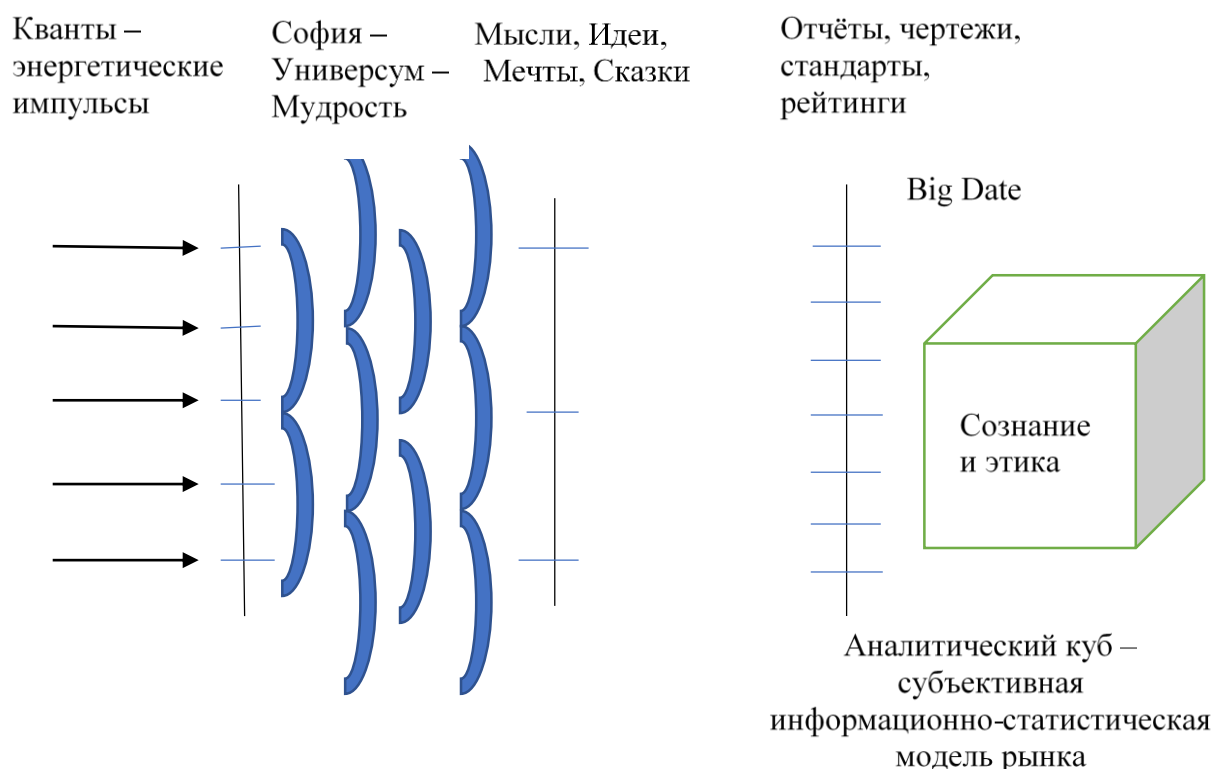
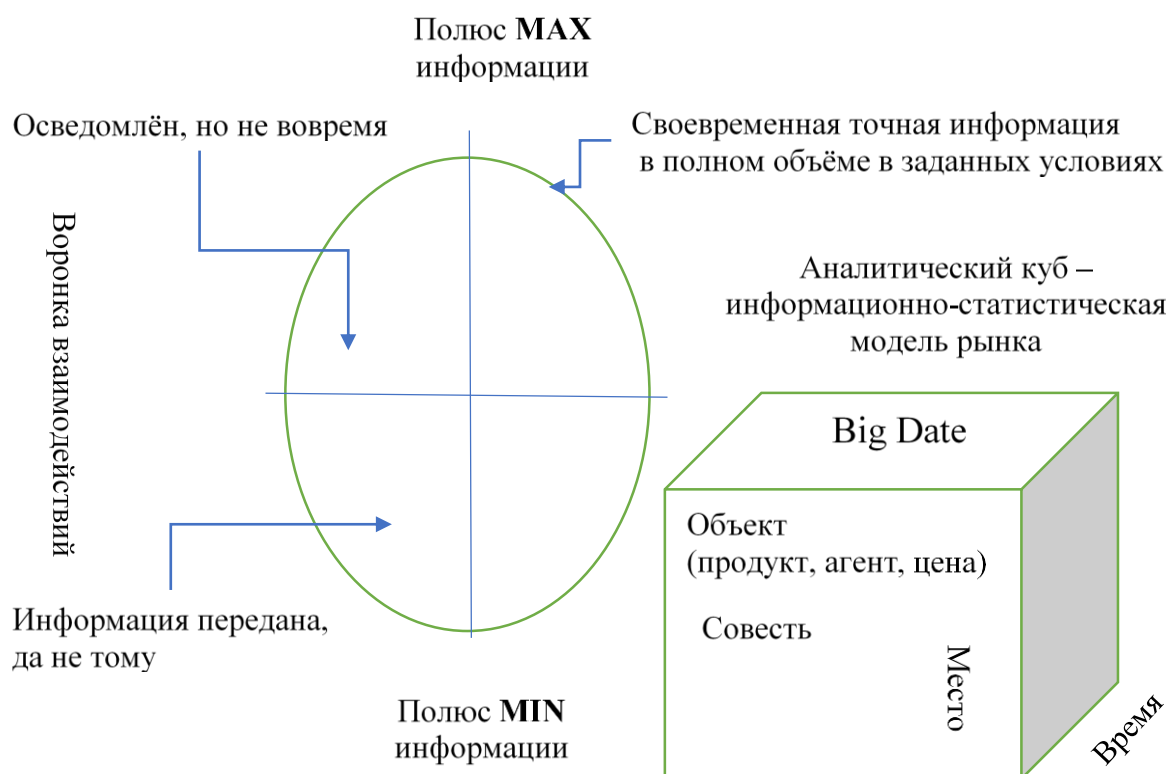

Рисунок 1. Дуализм¹ природы Информации (ресурса) – сказка станет былью.

«В начале было слово» (Св. Евангелие от Иоанна, глава 2)

¹ Дуализм (лат. dualis – двойственный) – философское учение, исходящее из признания равноправности и несводимости друг к другу двух основных начал Универсума – материального и духовного, физического и психического, тела и души (*примеч. автора*).

При очевидной информационной избыточности, технической доступности и технологической прозрачности информации, общество сталкивается с проблемами, спровоцированными недостатком информации. Недостаток, несвоевременность или искажение поступающей информации определяют такие явления как распределение компетенций, влияния, власти - явлений общественной жизни, обуславливающих свободу и справедливость. Социальные и экономические ловушки противоречий и противостояний, возникающие в процессе жизнедеятельности, свидетельствуют о таком свойстве (атрибуте) информации как асимметрия – агенты взаимодействия не обладают полной информацией и могут находить лишь локальный, а не глобальный экстремум (рисунок 2). Асимметрия информации, являясь результатом несоответствия картины мира наблюдателя и сложности движения анализируемой системы, влияет на качество анализа движения, но не на само движение².

² Движение (в широком смысле) – любое изменение, происходящее в системе [Сологубова, 2016].

Рисунок 2. Мир дуален и биполярен³. Информационная асимметрия – фактор «провалов» и «ловушек» рынка

В экономике асимметрия ключевого ресурса, а именно таковым и является информация, наряду со временем (периодом, длительностью), становится причиной интерналий – издержек или выгод, не оговорённых условиями сделки и возникающих в результате недостатка информации на момент заключения договора. Рост издержек или выгод, не предусмотренных договором, приводит к нарушению контрактного компромисса. **Потеря равновесия, оговорённого контрактом, является свидетельством несовершенства рыночного ценового механизма, зависящего от информационной асимметрии.** Рыночный механизм способен уничтожить монопольную цену, но не способен её не допустить. Рыночный механизм оптимизирует поведение экономических агентов и решает проблему экономического выбора производящих и потребляющих – устанавливает равновесную цену на благо. Но равновесная цена блага относительна, так как сталкивается с философией справедливости цены, определяющей допустимость и величину разрывов в благосостоянии, социальном положении, деловой / потребительской активности, трудоспособности и работоспособности экономических агентов. **Несовершенство рыночного механизма готовит «провалы рынка».** Депрессия, безработица, коррупция, дискриминация, не совершенный информационный обмен – это не случайные поведенческие отклонения, а закономерные процессы конфликта личного и общественного: не обязательность платежей, уклонение от налогов, нежелание платить за современное решение, корпоратократия, нежелание переучиваться, потеря преимуществ лояльного клиента при переходе на новые решения и пр. «Провалы рынка», «ловушки», дисфункции, социальный

³ Биполярность (двухполюсность) - тенденция системы (экономической, международной, органической) развиваться вокруг двух полюсов (наиболее крупных блоков); в известном смысле подразумевает равновесие, стабильность, устойчивое развитие в мире (*примеч. автора*).

паразитизм - хорошо известные в институциональной экономике термины, которые характеризуют состояния потери некой системой равновесия (рисунок 3).

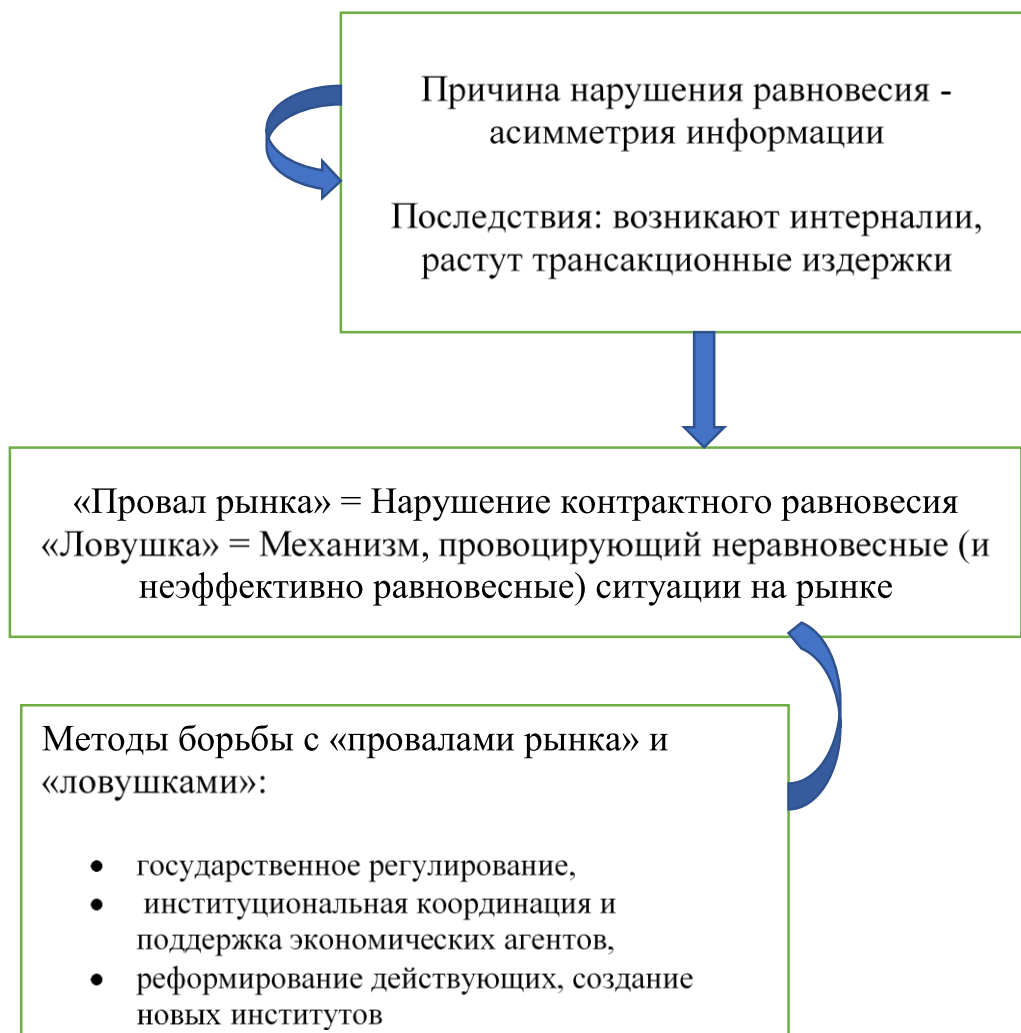

Рисунок 3. Экономика – эволюционная наука, легализующая то, что выгодно

Снижают риски «провалов» и «ловушек» рынка общепризнанные и соблюдаемые правила поведения и взаимодействия его агентов. К ситуациям, вынуждающим агентов рынка соблюдать общие правила, относят три типа потери баланса.

1. Когда ситуация складывается в условиях **неэффективного равновесия по Парето** – ни один из участников взаимоотношений не может улучшить своё положение, не ухудшив при этом положения своего партнёра (если где-то прибыло, значит где-то убыло), т.е. «невидимая

рука» рынка, направляя индивида к собственной выгоде и косвенно предполагая кумулятивный результат удовлетворения интересов общества, на самом деле сталкивается с гиперэгоизмом агентов и несправедливостью распределения благ (присвоением, отчуждением, хищением, захватом, злоупотреблением и др.). Другими словами, число благ конечно и индивид, «стремящийся исключительно к собственной выгоде», лишь в части удовлетворяет потребности общества в росте благосостояния, но не гарантирует пропорционального распределения благ между членами общества.

2. Когда ситуация приводит к **несправедливому равновесию** – ситуация неравенства с характерным вынужденным равновесием «верхов» и «низов». Из истории известно, как легко вынужденное равновесие перерождается в революционную ситуацию и чем заканчиваются такие дисбалансы, когда «верхи не могут», а «низы не хотят» (Ленин, 1913-1915) или более близкая и понятная реальность, когда «верхи не хотят, низы не могут» (Кара-Мурза, 2008).
3. Когда ситуация предполагает **несколько равновесий** и нуждается в **координации**. Множество равновесий – возможных исходов (возможность вести расчёты в разной валюте или применять законодательные нормы разных государств) - увеличивает неопределённость и снижает экономическую эффективность деятельности. Потребность в координации выбора подтверждается массовой и всеобъемлющей стандартизацией (промышленные и технологические стандарты, стандарты поведения, дресс-коды), монетизацией обмена (использование денежных знаков, банковское дело, кредитование, страхование), основанных на общем знании и единообразной системе знаков, символов. Координация выбора при множестве равновесий не всегда нуждается в специальном механизме принуждения, так как агенты взаимодействий добровольно стремятся к

единообразному развитию событий (взаиморасчётам в установленной единой валюте, соблюдению правил правостороннего движения на автомагистралях), они заинтересованы в сохранении скоординированного равновесия, позволяющего экономить ресурсы, планировать предсказуемые перспективы, делать следующий шаг в развитии и получать наилучший результат наименьшими усилиями.

В реальной жизни все три типа потери баланса пересекаются, мутируют, перекрёстно опыляются. Неэффективное по Парето равновесие закрепляется правом собственности, которое, в свою очередь, весьма эффективно координирует пропорции распределения между экономическими агентами. Существующее неравенство надёжно охраняют такие механизмы как право наследования, правовая норма о нарушении границ владения. Но именно эти права обуславливают стратегии солидарного (кооперативного) поведения агентов, отличающегося не рациональностью, но разумностью, этичностью и автоматизмом выгодного выбора. При этом солидарное поведение - координация, нацеленная на лучший для группы результат, легитимирует (оправдывает) нерациональное поведение агента, ухудшающее его индивидуальный результат, недопустимое для «экономического человека», находящегося в антагонистическом противостоянии конкурентам и не способного пожертвовать (уступить) своими интересами ради интересов группы. Мы наблюдаем одновременное разрешение противоречий множества противоположностей, каждое из которых может непосредственно воздействовать на все остальные [Пшеничников, Бабкин, 2017].

Достижение равновесного состояния в дуальном биполярном мире представляется задачей сложной, распределённой во множестве локальных равновесных состояний, корреспондирующих с ячейками аналитического куба и сводимой к коридору желаемых балансов координационными усилиями этического свойства (совестью), бережливостью ресурсов и

неизбежностью приоритета коллективных предпочтений над индивидуальными.

Эти координационные усилия в поисках баланса называют институтами общественной жизни, призванными снижать неопределённость выбора и повышать устойчивость взаимодействий посредством принудительных организационных условий, приближающих участников к равновесному состоянию. Когда рыночный механизм «невидимой руки» не отвечает представлениям общества о справедливости распределения ресурсов и других благ, возникает потребность в координации и упорядочении – в правилах и механизмах, позволяющих эти правила выполнять – в институтах.

Институты – неценовые механизмы, регулирующие взаимодействия экономических агентов

Распределение благ и ресурсов в тех сферах деятельности, где конкурентные рынки не работают (например, обеспечение национальной, в том числе информационной, безопасности, национальные космические программы), осуществляется с помощью неценовых механизмов, в основу работы которых положены (1) традиции и ценности (внутренний механизм), (2) принуждение / добровольность солидарного поведения /соглашения (внешний механизм), (3) оптимизация затрат (механизм отбора).

Эти неценовые механизмы – регуляторы взаимодействий являются не бесплатными для общества, но эффект от их применения значительно превосходит затраты и проявляется мультипликативно и веерно.

Политико-правовые механизмы обеспечивают гражданские, политические и экономические права агентов. Неприкосновенность личности и собственности, независимость суда, свобода средств масс медиа, обусловленная законностью правоохранительная система – внедрение подобных принципов в сознание и деловой оборот защищает базовые права личности и служит фундаментом экономического роста.

Механизмы образования, здравоохранения, пенсионного страхования и социальной защиты обеспечивают развитие человеческого капитала.

Законодательство в сфере налогообложения, земле- и природопользования, санитарного контроля, стандартизации, лицензирования, регистрации прав собственности способствует устойчивому развитию хозяйства, росту отраслевых показателей и позитивным структурным сдвигам в экономике в целом.

Финансовые организации, предлагающие услуги размещения ценных бумаг, кредитования, проведения валютных операций, формирования сбережений, ведения сделок, страхования рисков и сделок, проведения платежей, подают управляющие сигналы агентам экономических отношений о скоординированности условий развития финансового рынка и цели экономического роста.

Подобные механизмы, определяемые как институты, обеспечивают предсказуемость поведения людей, предлагают конструкты (модели) эффективных отношений. Они появляются для решения проблем, возникающих при повторяющихся взаимодействиях людей, предлагая альтернативное поведение или способ перехода к той или иной альтернативе. Они призваны не только решить проблему, но и снизить ресурсопотребление в процессе. Казалось бы, чем обширнее система институтов, тем более высокие показатели экономического роста становятся возможными. Однако, координирующий эффект институтов оказывает положительное влияние на экономику лишь в том случае, когда институты согласованы между собой и соответствуют уровню организационного развития субъектов, чьи отношения требуют регулирования.

Особая роль принадлежит «специальным» механизмам регулирования экономических взаимодействий. Они нацелены на решение специфических проблем экономического роста в конкретных условиях. Устанавливаемые ими правила игры «нацелены не на всех участников экономической и

политической жизни, а на некоторых из них, определённым образом отобранных» [Мелихов, 2011]. Такие механизмы принято называть институтами развития. Они оказывают дискретное воздействие на экономику, в отличие от предыдущих механизмов, действие которых носит общий характер. Основной функционал институтов развития направлен на организационные улучшения: (1) снижение неопределённости во взаимоотношениях, (2) преодоление конфликтов и оппортунизма в поведении партнёров, (3) разработку систем принуждения и наказания на фундаменте общепризнанных формальных (законов, кодексов, правил) и неформальных (традиций, обычаев, социальных норм) ограничений в общественной жизни, (4) формирование условий доверия и гарантий, снижающих риски рынка и транзакционные издержки, (5) повышение информированности участников рынка о состоянии сделок, влияющей на контрактное равновесие и своим снижением провоцирующей «провалы рынка».

Совокупность координирующих и регулирующих жизнедеятельность общества механизмов составляет **институциональную среду**, которая создаёт возможности и предоставляет ресурсы для трансформаций и инноваций. Институциональная среда представляет собой множество, включающее базовые политические, социальные и юридические правила, регулирующие деятельность экономических субъектов [Davis, North, 1970]. Как замечает Дуглас Норт, «институциональная среда предопределяет набор возможностей, которые в одних условиях делают более прибыльной (экономически выгодной) перераспределительную активность, а в других — производительную деятельность» [North, 1998].

Качество и эффективность функционирования образующих среду институтов (внутри, например, страны или региона) определяют инновационность экономики и социальной сферы субъекта. Если в институциональной среде доминируют производительные «правила игры», то институты развития способствуют извлечению инновационной ренты

предпринимателями, занимающимися коммерческой реализацией нововведений. Достигая при этом максимального эффекта «перетекания» знаний от использования инноваций, который проявляется в дополнительных положительных изменениях в жизни всего общества – в его долгосрочном социально-экономическом развитии. Так, например, Уильям Нордхаус отмечает, что «предприниматели в среднем получают лишь 2,2% от общего объема инновационной ренты, извлекаемой в процессе успешной реализации проектов, в то время как ее львиная доля «перетекает» от предпринимателей к остальному обществу, в том числе — к конкурентам в виде знаний, необходимых для «открытия» новых комбинаций экономических ресурсов» [Nordhaus, 2004]. Очевидно, что общественные выгоды значительно превосходят выгоды самих предпринимателей-инноваторов. И общество, в лице государства, заинтересовано в создании производительной институциональной среды.

Поэтому субъекты хозяйственных отношений, в том числе органы государственной, региональной и муниципальной власти специально создают новые институты — институты развития, через которые осуществляют перераспределение ресурсов в пользу инновационных проектов, новых национальных программ. Однако, перераспределительная институциональная среда, стимулирует «рентоориентированные» инновации: «рентоориентированные» предприниматели используют институты развития в качестве инструмента извлечения политической ренты, а «хищнические» чиновники получают статусную ренту [Саблин, 2012]. В этом случае эффект «перетекания» знаний от использования «рентоориентированных» нововведений оказывается минимальным, а **отрицательные внешние эффекты** велики: монопольное положение отдельных предпринимателей, полученное в результате создания искусственных барьеров, по своей природе является длительным и связано с тем, что общественные выгоды от подобных инноваций будут меньше частных выгод отдельных «рентоориентированных»

предпринимателей, которые «стремятся присвоить кусок общего экономического «пирога» в независимости от того, растет ли его общий размер или нет» [Baumol, 2002; Саблин, 2012].

Кроме того, субъективно создаваемые новые институты должны быть **адекватными** объективным экономическим условиям и проектироваться с учетом степени соответствия потребностям экономических субъектов [Ковальчук, 2013]. Зачастую субъективность формирования собственных и трансплантация чужеродных институтов игнорирует принципы соответствия и согласованности (корреляции, релевантности, корреспондирования), не учитывает разнокачественность сред, что приводит к возникновению диспропорций, а не равновесий, и ещё в большей степени хаотизирует неопределённость окружающей среды, множит риски.

Особое значение при анализе качества институциональной среды и эффективности институтов развития в практике управления страной, государством имеет **интервал времени**, в течение которого «правила игры» действовали. Адекватность оценки зависит от длительности периода действия. Краткосрочный интервал действия института затрудняет справедливую оценку, так как последствия институционального воздействия (как позитивные, так и негативные) латентны [Мидлер, Абкаев, 2016].

Учитывая неоднозначную природу институтов развития следует обратить внимание на такую проблему как **необходимость утилизации подобных форм управления**. Предназначенные для решения «сверху» конкретных задач, но не обладающие способностью к самоуничтожению, институты развития со временем деформируются и оказывают деструктивное влияние, становятся причиной дисфункций других институтов. Не способность к самоуничтожению организационных образований порождает социальный паразитизм, проявляющийся в многообразных формах обогащения за счёт присвоения результатов чужого труда с де-юре запретом таких асоциальных неформальных и неэффективных систем управления

[Румянцева, 2013]. Однако де-факто, механизмы защиты многочисленных прав граждан уже нигде не срабатывают.

Общим термином для всех нормальных и предсказуемых образцов поведения хозяйствующих субъектов служит **рутина**. **Рутины⁴ подвержены отбору** в том смысле, что хозяйствующие субъекты с определенными рутинами могут функционировать лучше других, и если это так, то их относительная значимость в организационной популяции (отрасли) возрастает со временем.

Концепция изменения рутин, читай концепция изменения институтов, представляет собой очевидный аналог мутации в биологической эволюционной теории. Согласно выстроенной аналогии, институт подобен гену животного организма: он характеризуется большим объемом наследственной информации, которая может изменяться и передаваться в форме новых институтов в ходе взаимодействия с другими институтами, носящего характер борьбы за выживание.

Поэтому одномоментно и полностью обновить институциональную среду невозможно — создание новых институтов развития происходит постепенно при одновременном сохранении уже действующих институтов и выборочном отказе от неэффективных институтов. Работает принцип естественного отбора – сильнейший выживает!

Таким образом, во времени **неэффективные институты отмирают**, а эффективные выживают. Происходит процесс организационного совершенствования. Механизмом такого совершенствования является естественный отбор или конкуренция институтов. Капелюшников Р.И.

⁴ Рутинa—совокупность «внутренних» институтов хозяйствующего субъекта. В концепции эволюции институтов рутины играют ту же роль, что гены в биологической эволюционной теории. Они—неотъемлемые характеристики хозяйствующего субъекта и определяют его возможное поведение (хотя фактическое поведение обуславливается еще и окружающей средой). Они наследуются в том смысле, что у хозяйствующих субъектов завтрашнего дня многие характеристики те же, что и у породивших их субъектов сегодняшних (*примеч. автора*).

(главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН) предложил называть конкуренцию институтов **метаконкуренцией** [Капелюшников, 1990].

Конкурируют институты за рынки и право взаимодействия, объёмы и масштабы транзакций, уровни издержек в них. Способность института охватывать наибольшее количество взаимодействий агентов рынка при сравнительно низком уровне транзакционных издержек свидетельствует об эффективности координирующего механизма. И наоборот, механизм провоцирующий **неравновесные (и неэффективно равновесные)** ситуации на рынке, может привести к возникновению **«институциональных ловушек»**.

Неэффективность института проявляется в том, что привлечённые низкими затратами на «входе» экономические агенты в процессе функционирования сталкиваются со значительными текущими издержками, а на «выходе» — с запретительно высокими издержками (например, процедура лизинга в российских банках на фоне штрафных автостоянок с раскуроченной техникой, вывернутыми двигателями и разбитыми корпусами машин, свидетельствует о несоответствии условий договора-лизинга (финансовой аренды) и возможностей исполнения такого договора, что и приводит к одностороннему принудительному применению права на изъятие, ответному вандализму и обоюдным потерям агентов отношений).

При этом не любой неэффективный институт является «ловушкой» (например, в современной экономической жизни государства Российского возврат дебиторской задолженности во многом обеспечивают не арбитражные суды, не правоохранительные органы, а бандиты; прокуратура и адвокатура исторически часто используют ложность посылок в принятии юридических решений в суде, так, например, Ф.М. Достоевский называл таких юристов

«прелюбодеями мысли», «нанятой совестью»⁵, а сама «ловушка» не всегда бывает следствием дисфункции института (например, механизм потребительского кредитования в условиях отсутствия комплементарности между составляющими институциональной структуры кредитного рынка и складывающимися обычаями делового оборота становится «ловушкой» невозврата заемных средств⁶) [Ковальчук, 2013].

Наиболее распространёнными методами борьбы с «провалами рынка» и «институциональными ловушками» признаны государственное регулирование и создание мета конкурентной рыночной среды. Тезис, безусловно, спорный, особенно в контексте эффективности национальной экономики и этической позиции государства как общественного института. Само создание мета конкурентной рыночной среды тоже является проблемным элементом тезиса – ведь такая среда не возникает из «ниоткуда», из «ничего» и в одночасье; она не формируется «сверху», а является следствием развитых рыночных отношений. То есть, создание мета конкурентной рыночной среды – это, скорее, этап жизненного цикла рынка, а не административная функция.

Тем не менее, государство монополизировав силовую поддержку власти в обществе⁷, является наиболее влиятельным агентом в политической и

⁵ К искусству овладения словом Алёшу приводят его впечатления от речей прокурора и защитника во время суда. Их речи, несмотря на ложность посылок, были талантливы по форме, воздействуя на психику присутствующих. Что касается прокурора, «впечатление, произведённое им, было чрезвычайное», а после речи защитника «женщины плакали, плакали и многие из мужчин, даже два сановника пролили слёзы». Вдохновенно излагая даже ложь, они переубеждали или убеждали многих. Какой же силой воздействия должно обладать слово, если в нём будет истина, если оно станет животворным? [Кузнецов, Лебедев, 1994].

⁶ Например, отсутствие в институциональном дизайне депрессивных территорий воздействия на кредитное поведение населения посредством социально-экономической политики, региональных и муниципальных программ, способствующих оздоровлению локальной экономики и обеспечивающих финансовую устойчивость домохозяйств, приводит не к оздоровлению территории, а к невозврату заёмных средств [Вольчик, Шафиров, Оганесян, 2013].

⁷ Государство есть особый аппарат насилия одного класса над другим («Государство и революция», В.И. Ленин, 1917г.)

экономической сферах, а в нашей стране – единственным влиятельным агентом.

Основной декларированной целью государственного регулирования, координации и совершенствования в экономике сегодня является достижение устойчивого развития и конкурентоспособного воспроизводства. Для достижения цели государственные регуляторы работают в программе формирования административных условий – новых институтов, способствующих активизации деловой среды и снижению издержек взаимодействия - транзакционных издержек.

Интерналии, являясь продуктом асимметрии информации, есть часть транзакционных издержек, причём часть непредсказуемая, увеличивающая неопределённость и риски. Очевидно, что снижение интерналий возможно посредством регулирования доступа к информации как ресурсу в диапазоне «доступно – сокрыто».

Регулирование доступа к информации влияет на институциональное развитие общества

Разнокачественные категории, характеризующие доступ к информации, приобретают статус институций, что влечёт за собой потребность в новых институтах.

Транспарентность финансовой и экономической отчётности хозяйствующих субъектов и доступ к последней в режиме реального времени можно считать сложившейся институцией глобальной экономики. Разработанные с целью адекватного сравнения и сокращения различий в финансовой отчётности на международном уровне МСФО (Международные стандарты финансовой отчетности) позволяют улучшить качество и сопоставимость информации, интеграцию её в консолидированную отчётность. Широко используется в мире открытый стандарт обмена деловой информацией – XBRL (eXtensible Business Reporting Language — «расширяемый язык деловой отчётности»), содержащий отчёт о деловых

фактах, и набор правил — DTS (Discoverable Taxonomy Set - связанный комплекс таксономии), которые задают метаданные для фактов отчёта XBRL: определяют значение фактов и причинно-следственные связи между ними.

Конгрессно-выставочную и ярмарочную деятельность (КВиЯД) включают в список своего функционала разные институты развития в разных экономических системах (центр стратегических разработок, центр развития предпринимательства, центр развития экспорта, выставочный научно-исследовательский центр, маркетинговая лаборатория MMR Lab, технопарк «Сколково»), создавая «третье место», «нейтральную территорию», «площадку знатоков», «деловую платформу» - пространство тиражирования знаний, закрепления желаемых образов и смыслов, товарного (в том числе, информация и знания - тоже товар) обмена, партнёрских отношений [Сологубова, 2016]. Этот факт позволяет рассматривать современное **конгрессно - выставочное дело как новый институт, основанный на культурной** (просветительской, образовательной, популяризаторской) институции⁸. Институциональное значение КВиЯД проявляется и в таких феноменах современной жизни как социальное конструирование⁹ под влиянием виртуализации¹⁰.

⁸ В трактовке Веблена институция определялась как «стереотип мысли», «привычные способы реагирования на стимулы», «распространённый способ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» - проявляется функциональный подход к пониманию данной категории [Иншаков, 2010]. «Институция – не произвольно созданные, а эволюционно возникающие из естественного и общественного разделения труда, объективно существующие функциональные отношения между людьми, социально закреплённые обычаем или законом [Иншаков, 2007].

⁹ Социальное конструирование рассматривает динамику создаваемых людьми феноменов: ценностей, норм, идеалов относительно социального контекста. Целью социального конструкционизма (теории познания) является выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими объективной реальности [Бергер, Лукман, 1995].

¹⁰ Виртуализация постепенно приобретает тотальный характер: виртуальная реальность, виртуальное сообщество, виртуальная экономика, виртуальный товар, виртуальная стоимость, виртуальная организация, виртуальное предприятие, виртуальный магазин, виртуальные деньги, виртуальный тур, виртуальная галерея (музей), общение происходит в виртуальных каналах коммуникации, которая сама является невещественным феноменом – общественным мнением, массмедиа (примеч. автора). «Феномен виртуального не только

Виртуализация, например, выставочного пространства имеет отношение не только к техническим возможностям искусственной компьютерной среды, но и осуществляет замещение реальности системы знаний в сознании человека виртуальными образами и символами, создаёт альтернативное культурное пространство, предлагая особые формы коммуникации, предоставляя возможность непосредственного взаимодействия с символическими структурами (с образом вещи, её стилем, имиджем). Выставочное пространство в искусственной среде осуществляет наложение виртуальной реальности на действительность, встреча виртуального и реального создаёт новый тип реальности сознания - симуляцию. Виртуальная реальность, симулятивный игровой мир – это те продукты человеческой деятельности, которые неизбежно преобразуют среду жизнедеятельности всего социума, ориентируя его на киберкультуру. И эти изменения потребуют своей легитимации. Многие авторы сегодня поднимают проблему реинтеграции экономической науки и культуры, говорят о необходимости расширения теоретического аппарата и языка экономической науки. Вероятно, этот язык будет трансформироваться и пополняться терминами, интегрированными в нескольких научных областях, заимствованными в английском языке определениями, сочетаниями общеупотребительных и профессиональных слов, сокращёнными формами многокомпонентных терминологических сочетаний, - «взгляд, обещающий новые приключения культуры в экономической теории» [Автономов и др., 2017].

Сегодня мы рассматриваем генезис **Интернета как основополагающего культурного института современности**. И нас ожидает осмысление активного развертывания глобальной электронной цивилизации: формирующихся пан-культурных новообразований, сетевого пост-общества,

вырвался за пределы «кибергетто» (термин Уильяма Гибсона), но и приобрел высокий культурный статус трендового формообразования» [Савицкая, 2012].

превращения операциональной среды в инфраструктуру практически любой социальной деятельности.

Мониторинг бизнес-процессов и большие данные (*Big Data*) представляют собой аналитическую (научную и деловую) платформу институционального уровня. Доступ к *Big Data* и генерация на их базе актуальных тенденций создают новые ниши в исследованиях, производстве, на товарных рынках. Становятся очевидными изменения в восприятии технологии, называемой *Big Data*. Положенные в её основу «технологические» атрибуты *3V*: *Volume* (большой объем), *Velocity* (быстрое накопление), *Variety* (разнообразие) дополнены атрибутами «экономическими» - *Value* (ценность для бизнеса) и «поведенческими» - *Veracity* (достоверность данных). Этот факт свидетельствует о сдвигах в применении *Big Data* - **от технологии**, которая позволяет справляться с обработкой и хранением большого массива слабоструктурированных данных, к реальному **бизнес-инструменту, формирующему рынки покупки и продажи данных, приносящему прибыль**. По оценкам экспертов, к 2020 году более половины всех *BI*-систем (*Business Intelligence* - системы бизнес-аналитики) будут включать углубленную аналитику, основанную на машинном обучении, лингвистических технологиях, методах анализа изображений и видео, геоинформационной аналитике и *data mining* (интеллектуальном анализе данных), что значительно расширит производительность, масштабируемость и функциональность информационных рынков. Предиктивный анализ (сценарный прогноз), обеспечиваемый типовыми решениями в области Больших данных (*Big Data*), такими как, например, клиентская аналитика на основе анализа данных социальных сетей или данных о партнёрах, уже сегодня становится частью культуры организации. Аналитические инструменты систем электронного документооборота (СЭД) позволяют взглянуть на содержащиеся в них данные с разных ракурсов в режиме реального времени; «интеллектуальная СЭД» способна поддерживать связь

между документами посредством кросс-ссылок, самостоятельно определять вид документа и содержание, по реквизитам и содержанию документа выполнять с ним соответствующие операции. Значение имеют не только количество способов использования аналитических данных и источники, из которых эти данные получены, но и обеспечение каждого сотрудника компании надежной информацией, вовлечение сотрудников всех уровней в организацию трудовых процессов и разработку стратегий и концепций (*data-driven*). Демократизация аналитических процессов позволяет сделать больше важных выводов, сгенерировать больше идей и применить больше новых стратегий. **Аналитика приобретает статус институции** и скорее всего обозначит новый организационный механизм, её развивающий. Футурология, сценарный менеджмент подобно стратагемам займут своё почётное место в архиве знаний.

Виртуализация бизнес-среды и внедрение виртуальных денег позволяет предполагать рождение новых институтов, легитимирующих подобие цифровых эквивалентов физическим объектам и обеспечивающих общественные отношения, являющиеся невещественным феноменом, невещественными носителями. **Институция менового эквивалента для криптовалюты**¹¹ потребует создания институтов, снижающих риски компьютеризации общественных отношений - способы управления людьми и механизмы присвоения благ становятся все более латентными, практически анонимными и чрезвычайно изобретательными [Новиков, 2014]. Уже сегодня актуален вопрос о бенефициарах создания криптовалют: либертарианское лобби, отстаивающее идею формирования цен на основе свободного рынка, без активного участия государства или сторонники создания единого мирового эмиссионного центра, иерархически стоящего над Федеральной резервной системой и рассматривающего криптовалюту как временную меру,

¹¹ Bitcoin (самая распространённая криптовалюта) - бусы для современных аборигенов или галактические имперские кредиты? (примеч. автора)

направленную на уничтожение национальных валют – идея свержения существующих институтов и учреждения собственных.

Признавая институциональное значение денег¹² мировое сообщество, тем не менее, не спешит с определением **криптовалют, оставляя их на позиции альтернативных финансов.**

Интернет вещей (IoT) сегодня формирует организационные условия своего экономического существования. Представляя собой физические или сетевые объекты с подключенными сенсорами, датчиками, приложениями и другими устройствами, способными собирать и передавать информацию об объекте, его состоянии и поведении, Интернет вещей генерирует огромную массу данных, которую продвинутые компании уже используют для обнаружения новых закономерностей, приобретая дополнительное конкурентное преимущество, финансовые и репутационные выгоды. Обработка миллионов и миллиардов сообщений, поступающих от сотен тысяч датчиков и приложений требует от экономических агентов оптимизации существующей ИТ архитектуры. Новая ИТ архитектура должна быть готова аккумулировать и обрабатывать столь значительный массив данных, поступающих в режиме реального времени (*on line*), а компании должны быть готовы реагировать в *on line* режиме на запросы различных систем и потребителей. Речь идёт о запросе рынков на формирование магистральной ИТ инфраструктуры, целью которой является не повышение совокупной производительности факторов производства, что было характерно для пятого цикла Кондратьева (1980-2008 гг.), а безопасного обеспечения надёжных средств обработки «озёр данных» и внедрения базисных инноваций¹³ шестого большого цикла [Акаев, 2017]. Проблемы безопасности и эффективности

¹² В докладе ЕЦБ «Схемы виртуальных валют» подчёркнуто, что «деньги являются социальным институтом: инструмент, созданный и отмеченный эволюцией общества, которая демонстрирует большой потенциал, чтобы развиваться и адаптироваться к характеру времени» [Косогаев, 2015].

¹³ Базисные инновационные технологии шестого технологического уклада – NBIC – технологии: nano-, био-, информационные и когнитивные [Акаев, Коротаев, 2017]

сбора, анализа и хранения информации, получаемой с сотни тысяч устройств одновременно – смарт-дома (полный контроль и мониторинг всех инженерных систем здания), смарт-автомобили (автономные (самоуправляемые) и полуавтономные, обладающие собственным набором датчиков для перемещения по дорогам), умное здравоохранение (дистанционный контроль состояния пациентов) и др. - подталкивают к разработке нового стандарта программирования интерфейса и систем коммуникации, стандарта способного унифицировать сигналы от сотни миллиардов подключенных единиц¹⁴. Гиганты рынка Интернет-технологий, такие фирмы как AT&T, Cisco, GE, IBM, Intel вошли в промышленный интернет-консорциум с целью разработки обозначенных стандартов. Следует обратить внимание и на тот факт, что жизненный цикл (ЖЦ) объекта и IoT, как правило, больше, чем ЖЦ используемых для передачи данных датчиков, сенсоров, программного обеспечения (ПО). Поэтому нужно предусмотреть апгрейд (возможность обновления) этих устройств в течение срока использования основного объекта. Важно, чтобы сигналы о необходимости апгрейда датчиков могли послать сами потребители через те же датчики, через Социальные сети и Интернет. С появлением IoT ещё долгое время будут одновременно существовать традиционные информационные технологии и продукты. Необходимо предусмотреть возможность их модернизации с целью подключения к системе IoT. Появление Интернета вещей спровоцировало рост возможностей несанкционированного доступа к определённым данным, соответственно будет расти уровень угроз информационной безопасности. Хакерская атака на компонент Интернета вещей потенциально может отразиться на миллионах пользователей и фирм, создавая экономическую угрозу, угрозу жизни и безопасности членов общества.

¹⁴ Эксперты Cisco и Ericsson прогнозируют, что уже к 2020 году будет 50 млрд подключенных единиц, из которых устройства интернета вещей составят больше половины совокупности (*прим. автора*).

В этой связи экосистема бизнеса, экосистема отрасли – экосистема применительно к технико-технологическому обеспечению организационных процессов в экономике¹⁵ - приобретает статус многоуровневого интегратора жизнедеятельности людей, а значит, эти явления можно анализировать с позиций институционального значения.

Технико-технологическое обновление жизни общества обуславливает изменения культуры социума, устанавливает «другие» ценности и нормы, легитимируя и поощряя «другие» институты, которые в свою очередь снижают издержки агентов в новых взаимодействиях и поощряют творческое созидание последующих обновлений. Потенциал социума к самоорганизации определяет динамику воспроизводственных процессов и его способность к самосохранению и сохранению среды своего обитания.

Очевидные противоречия в оценке продуктивности информационного ресурса

Следует отметить, что **не всегда доступность информационного ресурса снижает издержки**, а сокрытие - провоцирует их рост. Возможен реверс событий. Этот тезис верен в анализе патентного права, в обеспечении безопасности киберфизических систем, в создании секретного оружия.

Кроме того, в концепции жизненного цикла (ЖЦ) интерналии зависят от уровня организационного развития как хозяйствующих субъектов, так и государства (как правило, последние коррелируют). Чем выше уровень, тем ниже интерналии. Уровень организационного развития проявляется (1) в масштабе производства (постоянные затраты распределяются на объём выпуска, увеличение выпуска снижает их долю в себестоимости единицы продукции, увеличивая долю прибыли в цене реализации); (2) в масштабе предпринимательской деятельности, её способности к диверсификации производства, которая обеспечивает наиболее выгодные сферы приложения

¹⁵ Компания Accenture, один из наиболее авторитетных экспертов по заглядыванию в цифровое будущее, уже не первый год говорит о пришествии и господстве экосистем [Пахомов, 2017, Сологубова, 2017].

уже созданного производственного капитала, является инструментом межотраслевого перелива капитала и методом оптимизации структурных преобразований в экономике; (3) в осведомлённости и платёжеспособности потребителей – срабатывает правило «быстрого отклика»; (4) в наличии свободного времени; (5) в темпоральности развития. Обеспечивают более высокий уровень организационного развития такие регулятивные действия как введение стандартных форм договоров; государственное установление стандартов качества продукта; регламентация процедуры заключения сделок; выдача лицензий на производство определённых видов товаров; введение санкций за нарушение условий контракта; законодательная защита прав потребителей; сертификация товаров и производителей. Как правило, именно эти действия рассматривают в отраслевой экономике в качестве барьеров входа, увеличивающих транзакционные издержки экономических агентов – новичков. **Повышение уровня организационного развития снижает интерналии взаимодействий, но ограничивает проникновение в отрасль новых агентов, увеличивая их затраты на транзакции,** что подтверждает справедливость закона о единстве и борьбе противоположностей: монополии и конкуренции.

Любопытно и то, что **снижение интерналий посредством роста уровня организационного развития агентов сопровождается ростом затрат на координацию взаимодействия этих агентов в цепочках поставок** [Сологубова, 2014] – требуется «оркестр институтов» [Schonberger, 2014], обеспечивающих прозрачность решений о распределении ресурсов и работ, управляющих эффективностью логистики в цепочках поставок, что опять приводит к значительному росту издержек на эффективные интеграторы. Происходит формирование новой архитектуры бизнеса, ориентированной на единый пул комплексного персонализированного сервиса прежде мало сотрудничающих отраслей и предприятий. Смешанная интеграция в сетевой среде приводит к созданию **бизнес-экосистемы**, которая

в свою очередь обеспечивает экосистему удовлетворения целого веера потребностей, определяющих экосистему социальной защищённости (потребительскую корзину), экосистему качества жизни, экосистему стиля жизни. Экосистема как технико-экономический и социальный феномен готовит появление нового регулятора взаимодействий.

Заключение

Понимание того, что информация как экономический ресурс, обладающий свойством асимметрии, свойством, которое влияет на результаты и эффекты хозяйственного взаимодействия, может быть использовано в целях «нащупывания» экономического и социального равновесия - мечты прогрессивной части человечества об устойчивом развитии, - формирует блок задач на поиск и разработку современных моделей «общего блага», а также механизмов их обеспечивающих.

При этом следует помнить об актуальности и универсальности экономических интерналий в современной «цифровой» жизни: (1) снижение интерналий приводит к снижению неопределённости и, только в части - транзакционных издержек, являющихся фактором экономической конкурентоспособности, достижение которой можно рассматривать как целеполагание государства, использующего для реализации своих целей регулирование на институциональном уровне; (2) появление новых институтов, регулирующих доступ к информации – экономическому ресурсу, способствует устойчивому развитию общества; (3) институциональное закрепление технологических прорывов неизбежно, а потому в условиях темпоральности развития глобального мирохозяйства медлить с этим не целесообразно – нужно активно работать над созданием производительной институциональной среды.

Институциональный статус феномена Информация требует от регулирующего механизма институционального уровня легитимации. В качестве ограничений отбора равновесных состояний Информации как

институции следует предусмотреть (эмпирически калибровать) атрибуты, параметры и метрики, указывающие на неэффективность предложенного равновесия или неспособность к равновесию предложенного институционального механизма, провоцирующего «ловушки»¹⁶, дисфункции¹⁷, и «провалы»¹⁸ рынка.

Литература

1. Автономов В.С., Воробьев А.С., Кононенко П.Б., Расков Д.Е., Тульчинский Г.Л. Культура как новый фронт в экономической науке // Журнал Экономическая политика. 2017. Т. 12. №5. С. 178-193
2. Акаев А. Коротаяев А. К прогнозированию глобальной экономической динамики ближайших лет // Журнал Экономическая политика. 2017. Т. 12. №1. С. 8-39
3. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Перевод Е. Руткевич. М: Издательство «Медиум», 1995. – 323 с.
4. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр.

¹⁶«Институциональная ловушка – это равновесие, в котором агенты выбрали норму поведения, не эффективную по сравнению с другой нормой, также являющейся равновесной при тех же внешних условиях» [Полтерович, 2004]. «Ловушка» характеризует относительную неэффективность институциональных систем разного масштаба в сравнении с альтернативными вариантами их развития [Фролов, 2012].

¹⁷ Институциональная дисфункция - нарушение функций экономических институтов. Дисфункции институтов ведут к их деформациям и деструкции (О. Сухарев). Дисфункция характеризует относительную неэффективность институциональных систем по сравнению с нормой их функционирования или эталонным состоянием [Фролов, 2012].

¹⁸ Провалы рынка или фиаско рынка – *англ. Market Failure* - ситуации, когда рынок не обеспечивает эффективное распределение ресурсов, т.е. рациональное поведение экономических агентов не приводит к достижению Парето — эффективной аллокации ресурсов. Таким образом происходит сбой механизма координации рынка («невидимой руки»), что подразумевает необходимость административного регулирования экономики и экономических отношений, с целью сглаживания или устранения негативных последствий от действия рыночного механизма [Якобсон, 2000].

- О.В. Ковенева; науч. ред. перевода Н.Е. Колосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.
5. Вольчик В.В., Шафиров Л.А., Оганесян А.А. Институциональный дизайн и механизмы регулирования рынка потребительского кредитования депрессивных территорий. // Журнал «Вопросы регулирования экономики», раздел «Экономическая теория». 2013. Том 4, №4, С. 41-59
 6. Иншаков О.В. Институты и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции. // Научный журнал «Экономическая наука современной России» (ЭНСР), 2010. №3(50), С. 26-38
 7. Иншаков О.В. Институты и институты в современной экономической теории. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2007. Вып. 11, С. 15-21.
 8. Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М.: ИМЭМО АН СССР, 1990. /Институт свободы. Московский либертариум.
 9. Ковальчук Ю.А. О роли институтов развития в управлении инвестиционным потенциалом модернизации промышленности / Журнал «Экономика и управление». 2013. №3, С. 28-42
 10. Кузнецов О.Н., Лебедев В. И. Достоевский о тайнах психического здоровья. М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1994. 168 с.
 11. Косогаев П.А. Криптовалюты как экономический институт / Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление», 2015. №3, С. 164-169
 12. Липкин А.И. Миф об особой роли сознания наблюдателя в квантовой механике. // Журнал Актуальные вопросы современного естествознания. 2005. Вып.3. С. 31-43
 13. Мелихов В. Ю. Экономические институты: сущность, содержание, понятие / Журнал «Социально-экономические явления и процессы» №9 (031), 2011. С. 118-122

14. Мидлер Е.А., Абкаев М.С. Институты развития в государственном управлении инновационным развитием России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. — №4 (48), 2016.
15. Москвин Е. Чистая форма общения: дискурсивная компетентность и институциональное принуждение // Научный журнал Современный дискурс-анализ. 2017. Выпуск 11.
16. Никишина Е. Воздействие социокультурных факторов на трансакционные издержки и конкурентные преимущества общества // Журнал Экономическая политика. 2016. Т. 11. №1. С. 105-120
17. Новиков Д.Б. Криптовалюта: средство борьбы с социальным паразитизмом или его новое воплощение? С. 305-310 / Материалы Международной научно-общественной конференции (Москва, 19 декабря 2013 г.) «Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США). Центр научной политической мысли и идеологии. Москва: Наука и политика. 2014, 416 с.
18. Пахомов Ю. Цифра и экосистемы: какая связь? / РСWEEK Идеи и практики автоматизации / Статьи // 20.04.2017
19. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Журнал Общественные науки и современность. ЦЭМИ и РЭШ, Москва. 2004. № 3, С. 5-16
20. Пшеничников В.В., Бабкин А.В. Электронные деньги как фактор развития цифровой экономики. / Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Том 10, №1, 2017. С. 32-42
21. Румянцева Е.Е. Методы ускоренного обогащения в моделях жизни за чужой счёт. 327-334 с. / Материалы Международной научно-общественной конференции «Глобальный социальный паразитизм» (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США), 2013. / Центр

- научной политической мысли и идеологии / Москва: Наука и политика, 2014. – 416 с.
22. Саблин К.С. Теория институционального развития. Роль институциональной среды в формировании институтов развития / JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований), Том 4, № 2. 2012, С. 32-41
23. Савицкая Т. Виртуализации культуры (концепция Артура Крокера и мыслителей его школы) / Электронный журнал «Интелрос - Интеллектуальная Россия». 2012
24. Солодилова Н., Маликов Р., Гришин К. Институциональная конфигурация региональной деловой среды // Журнал Экономическая политика. 2017. Т. 12. №3. С. 134-149
25. Сологубова Г.С. Конфликт тенденций в интеграции глобальных цепочек поставок. С.196-198 / Материалы международной научно-практической конференции «Интеграционный потенциал логистики в глобальной экономике», СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 233 с.
26. Сологубова Г.С. Сервисный сектор в обеспечении конкурентоспособности национальной экономики: эмпирический анализ, проблемы теории и практики. С.13-27 / колл. монография Инновационное развитие сервисного сектора как фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики / под редакцией О.Н. Кострюковой, Г.С. Сологубовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 277с.
27. Сологубова Г.С. Умение справляться с неопределённостью или сценарное управление, С. 201-207 // История управленческой мысли и бизнеса: истоки, проблемы, решения. XVIII Международная конференция. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет. Материалы конференции 29-30 июня - 1 июля 2017 / Под науч. ред. В.И. Маршева. - М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. - 230 с.

28. Сологубова Г.С. Феномены цифровой экономики, С. 13-26 // Развитие внутреннего и въездного туризма в России и за рубежом: сб. статей / под ред. д. э. н. М. Ю. Шерешевой. — М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. — 192 с.
29. Фролов Д.П., Лаврентьева А.В. Институциональные патологии в экономике (маркетинг территорий, социальная ответственность бизнеса, банкротство, ипотека) / Журнал «Современная экономика: проблемы и решения» № 7 (31), 2012. С.35-46
30. Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. – М: ГУ ВШЭ, 2000. – 367 с.
31. Baumol, W. The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism. 2002. Princeton: Princeton University Press. 307.
32. Davis, L. and North, D. Institutional Change and American Economic Growth: A First Step Towards a Theory of Institutional Innovation // The Journal of Economic History. 1970. Vol. 30. No. 1. P. 131–149
33. Nordhaus, W. Schumpeterian Profits in the American Economy: Theory and Measurement // 2004. NBER Working Paper. № 10433. 35.
34. North, D. Five Propositions about Institutional Change // Explaining Social Institutions / 1998. Ed. by J. Knight and I. Sened. Michigan: The University of Michigan Press. P.15–27.
35. Schonberger J., Kopfer H., Kotzab H. A micro- and macro- economic view on shared resources in logistics. 4th International Conference on Dynamics in Logistics, Bremen, Germany, February 2014. Springer International Publishing Switzerland 2016. P.3-13.

Affiliation

Galina S. Sologubova –

PhD in economics,

associate Professor of Saint-Petersburg

state economic University

(FINEC)

(21 Sadovaya Street, St. Petersburg, 191023).

E-mail: en-consalt@mail.ru

Title: ASYMMETRY OF INFORMATION AND THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

Abstract

Communication and interaction are parts of public life that are regulated by legitimate domination, but one way or another the question of freedom and justice for all arises in different contexts. Human freedom is predetermined by some conceptual schemes legitimizing the power of those who share them. Justice appeals to the system of values of the social order. The problem of regulating public life and the selection of tools to improve the effectiveness of such regulation have become the subject of the institutional economy. The theory, like any model, determines the way of verification by the possibility to explain the novelty of its positions with the help of the fundamental laws of nature. Thus, the Copenhagen experiment, which declared the quantum nature of the world, brought the scientific foundation for a plurality of uncertainty in the economy and social sphere. Communication and interaction in conditions of uncertainty tend to stereotype the behavior of their agents, search for patterns – preserving and broadcasting their social experience. The key resource of communication and interaction is information, which in the conditions of the dual and bipolar world has the property of asymmetry. Information asymmetry causes internally and factor in the impact of the "failures", "traps", the dysfunctions of the market. For risk management use universally accepted and respected rules, coordinating efforts which is a rational way to reduce the uncertainty of choice and improve the stability of the interactions through coercive institutional environment that brings participants to equilibrium. The complex of coordinating and regulating the life of society mechanisms is an institutional environment that creates opportunities for sustainable development and provides resources for

transformation and innovation. Development institutions – forms of governance designed to meet "the top" of specific challenges-have a special role to play in this regard. Another aspect of risk management may be the availability and transparency of information that helps to update institutions, which entails the need for new institutions that can be effective in the new value system

Keywords: asymmetry of information, internalize, development institutions, exhibitions, the Internet of things, the business ecosystem

JEL: A14, O17, O43

References

1. Avtonovomov V.S., Vorobyev A.S., Kononenko P.B., Raskov D.Ye., Tulchinskiy G.L. Kultura kak novyy frontir v ekonomicheskoy nauke // Zhurnal Ekonomicheskaya politika. 2017. T. 12. №5. S. 178-193
2. Akayev A. Korotayev A. K prognozirovaniyu globalnoy ekonomicheskoy dinamiki blizhayshikh let // Zhurnal Ekonomicheskaya politika. 2017. T. 12. №1. S. 8-39
3. Berger P. Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. / Perevod Ye. Rutkevich. M: Izdatelstvo «Medium», 1995. – 323 s.
4. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov / Lyuk Boltanski, Loran Teveno; per. s fr. O.V. Kovenevoy; nauch. red. perevoda N.Ye. Kolosov. — M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013. — 576 s.
5. Volchik V.V., Shafirov L.A., Oganesyanyan A.A. Institutsionalnyy dizayn i mekhanizmy regulirovaniya rynka potrebitelskogo kreditovaniya depressivnykh territoriy. // Zhurnal «Voprosy regulirovaniya ekonomiki», razdel «Ekonomicheskaya teoriya». 2013. Tom 4, №4, S. 41-59
6. Inshakov O.V. Institutsiya i institut: problemy kategorialnoy differentsiatsii i integratsii. // Nauchnyy zhurnal «Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii» (ENSR), 2010. №3(50), S. 26-38

7. Inshakov O.V. Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya. 2007. Vyp. 11, S. 15-21.
8. Kapelyushnikov R. I. Ekonomicheskaya teoriya prav sobstvennosti (metodologiya, osnovnyye ponyatiya, krug problem). M.: IMEMO AN SSSR, 1990. /Institut svobody. Moskovskiy libertarium.
9. Kovalchuk Yu.A. O roli institutov razvitiya v upravlenii investitsionnym potentsialom modernizatsii promyshlennosti / Zhurnal «Ekonomika i upravleniye». 2013. №3, S. 28-42
10. Kuznetsov O.N., Lebedev V. I. Dostoyevskiy o taynakh psikhicheskogo zdorovya. M.: Izd. Rossiyskogo otkrytogo un-ta, 1994. 168 s.
11. Kosogayev P.A. Kriptovalyuty kak ekonomicheskiy institut / Vestnik TvGU. Seriya «Ekonomika i upravleniye», 2015. №3, S. 164-169
12. Lipkin A.I. Mif ob osoboy roli soznaniya nablyudatelya v kvantovoy mekhanike. // Zhurnal Aktualnyye voprosy sovremennogo yestestvoznaniya. 2005. Vyp.3. S. 31-43
13. Melikhov V. Yu. Ekonomicheskiye instituty: sushchnost, sodержaniye, ponyatiye / Zhurnal «Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy» №9 (031), 2011. S. 118-122
14. Midler Ye.A., Abkayev M.S. Instituty razvitiya v gosudarstvennom upravlenii innovatsionnym razvitiyem Rossii // Regionalnaya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal. ISSN 1999-2645. — №4 (48), 2016.
15. Moskvina Ye. Chistaya forma obshcheniya: diskursivnaya kompetentnost i institutsionalnoye prinuzhdeniye // Nauchnyy zhurnal Sovremennyy diskurs-analiz. 2017. Vypusk 11.
16. Nikishina Ye. Vozdeystviye sotsiokulturnykh faktorov na transaktsionnyye izderzhki i konkurentnyye preimushchestva obshchestva // Zhurnal Ekonomicheskaya politika. 2016. T. 11. №1. S. 105-120

17. Novikov D.B. Kriptoalyuta: sredstvo borby s sotsialnym parazitizmom ili yego novoye voploshcheniye? S. 305-310 / Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-obshchestvennoy konferentsii (Moskva, 19 dekabrya 2013 g.) «Globalnyy sotsialnyy parazitizm (k 100-letiyu Federalnoy Rezervnoy Sistemy SShA). Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii. Moskva: Nauka i politika. 2014, 416 s.
18. Pakhomov Yu. Tsifra i ekosistemy: kakaya svyaz? / PCWEEK Idei i praktiki avtomatizatsii / Stati // 20.04.2017
19. Polterovich V.M. Institutsionalnyye lovushki: yest li vykhod? // Zhurnal Obshchestvennyye nauki i sovremennost. TsEMI i RESh, Moskva. 2004. № 3, S. 5-16
20. Pshenichnikov V.V., Babkin A.V. Elektronnyye dengi kak faktor razvitiya tsifrovoy ekonomiki. / Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki. Tom 10, №1, 2017. S. 32-42
21. Rumyantseva Ye.Ye. Metody uskorennoy obogashcheniya v modelyakh zhizni za chuzhoy schet. 327-334 s. / Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-obshchestvennoy konferentsii «Globalnyy sotsialnyy parazitizm» (k 100-letiyu Federalnoy Rezervnoy Sistemy SShA), 2013. / Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii / Moskva: Nauka i politika, 2014. – 416 s.
22. Sablin K.S. Teoriya institutsionalnogo razvitiya. Rol institutsionalnoy sredy v formirovaniy institutov razvitiya / JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy), Tom 4, № 2. 2012, S. 32-41
23. Savitskaya T. Virtualizatsii kultury (kontseptsiya Artura Krokera i mysliteley yego shkoly) / Elektronnyy zhurnal «Intelros - Intellektualnaya Rossiya». 2012
24. Solodilova N., Malikov R., Grishin K. Institutsionalnaya konfiguratsiya regionalnoy delovoy sredy // Zhurnal Ekonomicheskaya politika. 2017. T. 12. №3. S. 134-149

- 25.Sologubova G.S. Konflikt tendentsiy v integratsii globalnykh tsepochek postavok. S.196-198 / Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Integratsionnyy potentsial logistiki v globalnoy ekonomike», SPb: Izd-vo SPbGEU, 2014. – 233 s.
- 26.Sologubova G.S. Servisnyy sektor v obespechenii konkurentosposobnosti natsionalnoy ekonomiki: empiricheskiy analiz, problemy teorii i praktiki. S.13-27 / koll. monografiya Innovatsionnoye razvitiye servisnogo sektora kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti natsionalnoy ekonomiki / pod redaktsiyey O.N. Kostyukovoy, G.S. Sologubovoy. – SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2016. – 277s.
- 27.Sologubova G.S. Umeniye spravlyatsya s neopredelennostyu ili stsenarnoye upravleniye, S. 201-207 // Istoriya upravlencheskoy mysli i biznesa: istoki, problemy, resheniya. XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya. Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, ekonomicheskiy fakultet. Materialy konferentsii 29-30 iyunya - 1 iyulya 2017 / Pod nauch. red. V.I. Marsheva. - M.: Ekonomicheskiy fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2017. - 230 s.
- 28.Sologubova G.S. Fenomeny tsifrovoy ekonomiki, S. 13-26 // Razvitiye vnutrennego i vyezdnoy turizma v Rossii i za rubezhom: sb. statey / pod red. d. e. n. M. Yu. Shereshevoy. — M: Ekonomicheskiy fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2017. — 192 s.
- 29.Frolov D.P., Lavrentyeva A.V. Institutsionalnyye patologii v ekonomike (marketing territoriy, sotsialnaya otvetstvennost biznesa, bankrotstvo, ipoteka) / Zhurnal «Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya» № 7 (31), 2012. S.35-46
- 30.Yakobson L.I. Gosudarstvennyy sektor ekonomiki: ekonomicheskaya teoriya i politika. – M: GU VShE, 2000. – 367 s.
- 31.Baumol, W. The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism. 2002. Princeton: Princeton University Press. 307.

32. Davis, L. and North, D. Institutional Change and American Economic Growth: A First Step Towards a Theory of Institutional Innovation // The Journal of Economic History. 1970. Vol. 30. No. 1. P. 131–149
33. Nordhaus, W. Schumpeterian Profits in the American Economy: Theory and Measurement // 2004. NBER Working Paper. № 10433. 35.
34. North, D. Five Propositions about Institutional Change // Explaining Social Institutions / 1998. Ed. by J. Knight and I. Sened. Michigan: The University of Michigan Press. P.15–27.
35. Schonberger J., Kopfer H., Kotzab H. A micro- and macro- economic view on shared resources in logistics. 4th International Conference on Dynamics in Logistics, Bremen, Germany, February 2014. Springer International Publishing Switzerland 2016. P.3-13.